

I 528.

ХРИСТИАНСКОЕ

ЧТЕНИЕ,

ИЗДАВАЕМОЕ

ПРИ

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЙ

ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

1865.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Сборникъ изъ исторіи старообрядства.
Изданіе Н. И. Цепова. Москва. 1864.
Сборникъ для исторіи старообрядчества,
издаваемый Н. Поповымъ. Томъ пер-
вый. Москва. 1864.

Въ сборникъ изъ исторіи старообрядства помѣщенъ между прочимъ слѣдующій интересный рассказъ бывшаго старообрядца. Однажды въ конторѣ Рогожскаго кладбища получено было отъ Московскаго полицеймestера предписаніе о высылкѣ къ нему въ канцелярію попа Александра Иванова Арсентьева, проживавшаго на Рогожскомъ кладбищѣ. Попечители кладбища, опасаясь, чтобы попа долго не задержали въ канцеляріи, отправили вмѣстѣ съ нимъ своего конторщика, Кондратія Никифорова Сяицына, которому вручили на случай порядочную сумму денегъ — съ приказаніемъ вести себя какъ можно осторожно. Едва только посланный явился съ попомъ къ полицеймestеру, какъ послѣдній немедленно потребовалъ попа къ себѣ въ комнаты, а Сяицыну приказалъ дожидаться внизу. Проходитъ часъ, два, а попъ все не выходитъ изъ комнатъ полицеймestера. Соскучась ждать его, Сяицынъ рѣшился взойти наверхъ и спросить, скоро ли полицеймestеръ отпустить его товарища; но къ великому ужасу узнаетъ, что полицеймestеръ давно уже уѣхалъ изъ дома, а товарищъ его съ квартальнымъ отправился куда-то чрезъ другія двери. Опасаясь со сто-

роны попечителей строгаго наказанія за то, что не уберечь попа, Синицынъ со слезами отправился въ Рогожскую часть — справиться, не тамъ ли содержится поппъ. Попа въ части не оказалось; мало этого: изъ служившихъ въ части никто даже не могъ сказать, за чѣмъ его требовать къ себѣ полицеймистеръ, хотя предписаніе шло чрезъ часть. Предчувствуя бѣду, конторщикъ немедленно отправился къ попечителямъ кладбища и' рассказать имъ объ общемъ ихъ несчастіи. Побранивъ Синицына, попечители составили совѣтъ, на которомъ рѣшили—ѣхать къ самому полицеймистеру, какъ къ челоуѣку давно знакомому вліятельнымъ раскольникамъ, и спросить его, за что взять поппъ и гдѣ онъ находится. Но полицеймистеръ отказался удовлетворить любопытству рогожцевъ, а сказалъ только, что поппъ взять по приказанію вышшаго начальства и отправленъ въ тюремный замокъ. Желая узнать о причинѣ ареста отъ самого поппа, попечители послали нѣсколько челоуѣкъ своихъ единомышленниковъ въ острогъ—було бы для раздачи по рукамъ милостыни. Но посланныхъ къ попу не допустили, объявивъ, что онъ содержится въ секретной и пускать къ нему никого не приказано. Раскольники старались подкупить служившихъ при тюремномъ замкѣ, но и въ этомъ не успѣли. Впрочемъ, приказаніе начальства на этотъ разъ было довольно категорическое. Между тѣмъ ревностные раскольники помнили вопль и стали жаловаться на богачей за то, что они не хлопочутъ объ узникѣ, жалтя будто бы денегъ. Чтобы прервать возникшій ропотъ, богачи отыскали въ числѣ своихъ единовѣрцевъ одного, знакомаго начальству челоуѣку, и стали просить его похлопотать вмѣстѣ съ попечителями объ освобожденіи поппа. Послѣ неодно-

прятать победою въ разныхъ лицахъ притворившей
юрисдикці, раскольники иконоеце уехали, за чѣмъ ихъ по-
стигла такая же милость начальства. Въна раскольниковъ
состояла та же томля, что они не могли за невозможностию
до конца аресты дать въ займы и брадошуд оумуде-
нень главному (начальнику, который просили ихъ объ
этомъ чрезъ своего фаворита. Такое непротительное
неужастество раскольниковъ, разумеется, требовало при-
мернаго наказания. И вотъ, по распоряженію начальни-
ка, раскольники, по малѣйше прерванію металла, при-
шлись самого лучшаго лица. А между тѣмъ время бы-
ло такое, что приобрести новыя поборы роговца уже
не могли. Чтобыло дѣлать? Очевидно, нужно было какъ
нибудь заманить преступенъ свой предъ начальникомъ.
И вотъ раскольники отправились въ одному фавориту
съ цѣлю узнать объ это, когда можно имѣть съ на-
чальнику съ деньгами, которые они просили у имъ.
Человѣкъ, объяснивъ раскольникамъ, что начальникъ
теперь очень нуждается въ деньгахъ, такъ какъ онъ уже
почти совершенно безработенъ, чтобы это, немедленно по-
бѣжалъ въ своему кондуктору доложить ему о приваду
раскольниковъ. Тотъ съ радостію согласился прива-
дить ихъ сое время. Предполагая, вѣроятно, что начна-
нень постоянно занятъ важными дѣлами, раскольники
рѣшились въ вдружь предстать предъ его особу, и по-
ложивъ явиться въ нему въ воскресенье, нагу данъ свои
бѣдней съ занятій. И вотъ въ назначенный день, шу-
пиль на двѣста рублей, разныхъ оружіевъ и вдовинъ
въ среднюю легка пакетъ съ двадцатью пятью тысячами
почетителя. Роговцао гладкоца отправилъ онъ на-
чальнику. Надомилъ истрѣтилъ раскольниковъ въ вѣль-
цахъ, укамо попросилъ ихъ съ януо. Вызали расколь-
т

ники встрѣтили не только начальника, но и супругу его съ дѣтьми, которая тоже очень славно приняла ихъ. Почетитель владѣица Гагаринъ сталъ просить супругу начальника принять фрукты изъ сада Роговскаго владѣища. „Развѣ у васъ есть тамъ оранжерея? съ великимъ удивленіемъ спросила его супруга начальника. У насъ тамъ очень хорошо. Тамъ у насъ все есть, отвѣтилъ ей Гагаринъ съ радостію. Мнѣ хочется какъ нибудь побывать у васъ въ владѣищѣ, гдѣ живутъ барыня. Я къ вамъ съ дѣтьми приѣду“. Распознанные, разузнанные, поблагодарили начальницу за честь, а она, взявъ два ананаса и нѣсколько другихъ фруктовъ, изволила удалиться. Тогда почетитель, уважая начальника на замечанный съ ассигнаціями пакесть, обратился къ нему съ такою рѣчью: „Эти старички наши, пріѣхавшіе отъ Маларыи, прислали вашей милости гостинчикъ. Они покорнѣе просить васъ помочь намъ въ несчастіи: неизвѣстно за что взяли у насъ поца Александра, и гдѣ онъ теперь содержится, тоже намъ неизвѣстно. Вѣдь онъ бѣдный? сказалъ на это начальникъ. Будьте милостивы, отвѣчали ему раскльники, — у насъ и насъ бѣднее: намъ дозволено имѣть девять поновъ, только новъ не веліно принимать, а Александръ Ивановичъ изъ старикъ. Онъ поступилъ въ 1817 году; но дарквн не сдѣлалъ никакого преступленія и человекъ отъ прекрасный. Нужно, сказалъ начальникъ. Мнѣ теперь не здоровится) я нигуда не выѣзжаю; но какъ безростъ люди вѣдь: ніемъ старшаго полицеймстера, что я съвѣзку нѣкому и узано. Впрочемъ, позвольте, (вспомод) Многоли и у васъ беру вѣдныя деньги? Я сейчасъ выдамъ вамъ нѣ три нѣсца: все нѣоу нѣсно. Эти деньги не мнѣ, поти

вдаль: начальнику — мещанинъ Галаринъ. Старички наши вѣрутъ вамъ ихъ на слово, а документа брать не приказали°. И представляте себя! Начальникъ былъ такъ добръ, что иуданіе раскольниковъ исполнилъ безпрекословно. Что же, спросить любопытные, одѣлалось съ арестованными попомъ? На другой день послѣ посвященія раскольниками начальника, его секретно увезли изъ острога въ Кострому. И тогда, во время общаго иначальницей посвященія Рогожскаго владыка, одинъ изъ раскольниковъ спросилъ начальника о попѣ, тотъ отвѣчалъ: „извините, — я не успѣлъ видѣться съ старшимъ полиціймейстеромъ, а еще въ это время успѣлъ отобжати пена въ Кострому. Этого теперь воротить нельзя; остальныхъ берите“ (стр. 131 — 136). Читатель! Ты, конечно, вдвумуцѣ до глубины души отишь начальническіе взяточничества, отишь до грубости безцереминныхъ опустошеній раскольничьихъ кармановъ со стороны каибго-то московскаго начальника, и готовъ назвать его за это самыми не лестными именами. Не споримъ. Представленный нами разсказъ не можетъ не производить тяжелаго впечатлѣнія на каждаго честнаго чловѣка. Но если мы обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что разсказъ касается лица, жившаго довольно давно, когда не только не писали противъ взятокъ, а напротивъ большинство считало ихъ *благопріобрѣтеніемъ*; съ другой стороны, если припомнимъ, что въ былое время съ раскольниковъ брали почти всё отъ мала до велика, кто по своимъ служебнымъ обязанностямъ былъ поставленъ въ какое-либо отношеніе къ нимъ, — если наконецъ разсудимъ, что съ тѣхъ поръ, какъ сама власть свѣтская наложилла на раскольниковъ *двойной* окладъ, и всё прочіе смертные

проборы, так сказать, специальные, драва считаясь расклев. доходною статьею, — въ такомъ случаѣ, посылонъ московскаго начальниа уже перестаетъ казаться чѣмъ-то особенно возмутительнымъ, а просто полузасти значение факта, какии изъ прошлой исторіи раскола можно бы указатъ тысячи тысячъ. Такии образомъ, не оправдывая самаго дѣла, мы однакожъ считаемъ не вполнѣ справедливымъ, видѣть въ немъ какую-то чудовищную особенность. Подобныя явленія въ былое время составляли обыкновенный порядокъ вещей, на который самоудительно смотрѣли самыя благонамѣренныя люди. И если на наши глаза удивительный порядокъ вещей кажется мерзостію, причиною этому служатъ тѣ свѣтлыя понятія, которыми такъ любятъ щеголять наше время, наша литература, люди нашего дѣла. Кому напримѣръ, неавѣстно, что иныя многія не только говорятъ, но и пишутъ, что они не берутъ никакихъ взятокъ, и передъ такою дѣлою можно встрѣтитъ и такіе люди, которые съ полнымъ сознаниемъ своего достоинства, открыто заявляютъ всѣмъ и каждому, что они — люди честныя, какъ сдѣлать это и издатель разбрасываемыя нами сборничковъ, говоря въ одномъ мѣстѣ: „мы въ правѣ признавать себя честными гражданами земли русской“ (сборн. для ист. стар. стр. 145). А эти бичи всякой несправды человѣческой, известные подъ именемъ „Искра“, „Будильниковъ“ и проч. и проч. развѣ не въ силахъ остановить каждаго дѣателя нашего времени отъ подолзновения ко грѣху и вести его по пути долга, совѣсти и правды? А потому если бы предъставленный нами рассказъ касался людей нашего времени, жь справедливо было бы внести, по выраженію „Искры“, въ списокъ *бессмертныхъ*. Все это мы гово-

писать же для того, чтобы защищать прошлое — дурное, но чтобы показать, что если нынѣ раскольниковъ, напримеръ, не гнать по прежнему, въ этомъ нѣтъ особенной пользы ни для кого, кромѣ развѣ общества, признававшаго такой порядокъ вещей дѣломъ безнравственнымъ и не безопаснымъ.

Что же, спросите насъ послѣ этого, въ настоящее время уже нѣтъ и не бываетъ ничего, похожаго на прошлое — дурное, нѣтъ ни взятокъ, ни обмановъ, ни другихъ какихъ-либо *нечестивыхъ* поступковъ, а все дѣлается по совѣсти, по чести, согласно съ правдой? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ мы расскажемъ слѣдующую исторію, вѣроятно близкое отношеніе къ предмету, о которомъ идетъ рѣчь, т. е. къ расколу. Въ прошлое десятилѣтіе, по нѣкоторымъ причинамъ, на расколъ обратила самое полное вниманіе власть, какъ церковная, такъ и свѣтская. Въ слѣдъ за властію и обществомъ нравственное пожелало узнать, что такое расколъ, съ которымъ боролись цѣлыя два столѣтія, и котораго не могли побѣдить. Въ пишущемъ мѣрѣ началось усиленная дѣятельность по предмету раскола. Лица не только духовныя, но и свѣтскія, даже женщины, прежде смотрѣвшія на расколъ съ презрѣніемъ, стали заниматься его исторіею и писать разнаго рода статейки и книжки. Статейки помѣщались въ разныхъ журналахъ, книжки распродавались довольно быстро, и писавшіе ихъ не были въ проигрышѣ за свои труды. Въ Петербургѣ — этомъ, по общему признанію, расчетливомъ городѣ — нашлись люди, которые рѣшились воспользоваться сочувствіемъ общества къ расколу болѣе выгоднымъ для себя образомъ. Зная по опыту, что русское общество, какъ легко увлекается всякимъ новымъ

предметомъ, также скоро и охладѣваетъ къ нему, эти практическіе люди придумали новый, болѣе вѣрный и прочный способъ сбывать съ рукъ книжки по расколу, разумѣется, не безъ пользы для себя. Являются извѣстные всѣмъ изданія Кожанчикова, которыми часомъ не заключали въ себѣ ничего, кромѣ преданныхъ мочалы сочиненій раскольническихъ. Расчетъ у издателя былъ очень вѣрный. Во-первыхъ, не нужно было платиться за издаваемые сочиненія; во-вторыхъ, изданія такого рода были полезны сколько православію, столько же и расколу, а кому неизвѣстно, что раскольническое общество, по общему признанію, богаче православнаго. Разумѣется, въ предисловіи къ каждой издававшейся такимъ образомъ, книжкѣ о практическихъ соображеніяхъ издателя не говорилось ни слова, а шла рѣчь только о блестящихъ результатахъ, какихъ должно было ожидать православіе отъ такихъ изданій. Но иное дѣло — предисловіе къ книгѣ, и иное — жизнь. Опытъ показалъ, что изданія Кожанчикова распродавались быстро, покупались по преимуществу раскольниками и, какъ предсказывали мы съ самаго начала этихъ изданій, имели для православія такое значеніе, что церковная власть нашлась, наконецъ, вынужденною запретить на будущее время подобнаго рода изданія. Это — Петербургъ, а теперь поговоримъ о Москвѣ. Само собою разумѣется, что выгодная операція г. Кожанчикова, петербургскаго книгопродавца, не могла не подѣйствовать болѣзненно на дѣятелей подобнаго рода, живущихъ и въ другихъ городахъ. Особенно Москва, всегда пользовавшаяся отъ раскольниковъ преимущественными приношеніями, вслѣдствіе главнаго средоточія въ ней раскола, не могла смотрѣть равнодушно на удачную аферу

Петербурга. И вотъ Москва, вспомнивъ прежнее свое искусство обирать раскольниковъ, рѣшилась еще разъ, хотя и подлѣвнѣй (!), именить, такъ ли полны и щедры верманы раскольническіе, надъ бывали они полны и щедры въ прежнее время, и въ лицѣ г. Попова надаетъ сборникъ для исторіи старообрядчества, который, за исключеніемъ размагольствій издателя въ предисловіяхъ, весь состоитъ изъ раскольническихъ сочиненій, до которыхъ раскольники такіе большіе охотники, особенно когда сочиненія эти являютъ въ печати. Но такъ надъ изданія подобнаго рода уже успѣли возбудить въ обществѣ и литературѣ неблагопріятныя о себѣ толки, вызвавшіе наконецъ со стороны церковной власти рѣшительное запрещеніе ихъ, съ другой стороны, такъ какъ и общество православное еще не перестало интересоваться расколомъ, — то Москва, чтобы скрыть свою продѣлку, а въ тоже время не оставить безъ вниманія и рубли православныхъ, рѣшилась замаскировать свои заднія мысли, и съ этою цѣлюю сборнику для исторіи старообрядчества предпосылаетъ сборникъ изъ исторіи старообрядства, содержаніе котораго направлено *противъ* раскола, но который впрочемъ можетъ быть не бесполезенъ и расколу — безпоповщинскому, такъ какъ въ сборникѣ поповщина — заклятый врагъ безпоповщины — рисуется въ крайне непривлекательномъ видѣ. Такимъ образомъ, по пословицѣ, изданія г. Попова служатъ съ перваго взгляда и „нашимъ и вашимъ“. Но по внимательномъ разсмотрѣніи дѣла оказывается болѣе справедливымъ сказать, что разсматриваемые сборники не могутъ принести существенной

(¹) По опредѣленію Св. Синода, изданіе раскольническихъ сочиненій въ томъ видѣ, какъ они изданы въ сборникѣ для исторіи старообрядчества, запрещено.

пользы никому, кромѣ самого издателя. Сознаемся, мы высказываемъ мысли крайне щекотливыя для г. Попова; а потому считаемъ нужнымъ, оставивъ въ сторонѣ предположенія, обратиться къ самымъ сборникамъ и ими—ихъ содержаніемъ фактически подтвердить то, что говорили, повидимому, голословно.

Общій взглядъ нашъ на разсматриваемыя изданія, какъ читатели могли понять, тотъ, что сборники г. Попова—положительно пустыя, бесполезныя книженки, изданіе которыхъ можетъ быть объяснено единственно спекулятивными цѣлями. И вотъ доказательства нашего мнѣнія. Прочитавъ сборникъ изъ исторіи старообрядства, мы не нашли въ немъ ни одной строки, которой бы не читали и не знали прежде, за исключеніемъ „письма къ образованному старообрядцу“, занимающаго въ сборникѣ семь съ небольшимъ страницъ подъ № IV. Другими словами: сборникъ изъ исторіи старообрядства включаетъ въ себѣ рядъ небольшихъ сочиненій и статей по расколу, которыхъ всякому, мало мальски знакомому съ расколомъ, давно извѣстны. Такъ „повѣсть краткая и достовѣрная о раскольницѣхъ, на соблазнъ и позоръ православныя нашей восточныя церкви въ сія послѣднія времена прошибающихся“, занимающая въ сборникѣ *первое* мѣсто, извѣстна въ печати еще съ 1848 года, и хотя книжка эта написана и издана за границей—Будимскимъ епископомъ Платономъ Аванакковичемъ, тѣмъ не менѣе существуетъ въ немаломъ количествѣ экземпляровъ и въ Россіи. Кромѣ того съ самымъ подробнымъ содержаніемъ этой книги русское читающее общество давно уже ознакомлено о. Пареніемъ въ его книгѣ „о промыслѣ Божіемъ“ (стр. 15—36), изданной въ 1857 году. Подъ № V ⁽¹⁾ помѣщенъ въ сборникѣ „разсказъ

(1) При разборѣ статей, помѣщенныхъ въ сборникѣ, мы держимся ино-

дяди Онисима". Этотъ разсказъ въ 1863 году былъ напечатанъ въ *Русскомъ Вѣстникѣ* и въ томъ же году былъ изданъ отдѣльно извѣстнымъ московскимъ купцомъ Сапѣлкинымъ. Въ изданіи г. Попова въ „разсказѣ“ сдѣлано только нѣсколько перемѣнъ въ словахъ и выраженіяхъ, да опущены соборныя правила, которыми въ отдѣльномъ изданіи „разсказа“ подтверждалась мысль о незаконности, такъ называемаго, *австрійскаго* священства. Подъ №№ VI, VII и VIII помѣщены въ сборникѣ статьи съ слѣдующими заглавіями: „кто такіе были епископы Рогожскаго кладбища Антоній и Пафнутій“, „разсказъ о Рогожскомъ кладбищѣ“ и „Лука Терентьева посланіе къ Василью Иванову Верейскому, извѣстительное о смерти и погребеніи Ильи Алексѣева Ковылина“. Эти статьи, наивно замѣчаетъ издатель въ концѣ сборника, „перепечатываемъ изъ газеты „Зритель“ (за 1862—63 г.) съ согласія Редакціи.“ Наконецъ подъ №№ II и III помѣщены въ сборникѣ свѣдѣнія объ основаніи Бѣлокриницкой обители въ Буковинѣ и объ учрежденіи тамъ раскольничьей митрополичьей кафедръ, — свѣдѣнія, взятая изъ церковной исторіи Бѣлокриницкаго инока Павла Васильева. Касательно этихъ послѣднихъ свѣдѣній, самыхъ интересныхъ изъ всѣхъ, находящихся въ сборникѣ, нужно замѣтить, что во первыхъ исторія, изъ которой они взяты, также давно существуетъ въ печати и извѣстна лицамъ, занимающимся изученіемъ раскола. Во вторыхъ, болѣе интересныя извѣстія объ учрежденіи Бѣлокриницкой лжеіерархіи, находящіяся въ этой исторіи, также давно уже доведены до свѣдѣній читающей публики (см. Хр. Чит. 1860 г. ч. I, стр. 205—214). Наконецъ — и это главное — отрывки изъ церков-

го порядка, чѣмъ въ какомъ они напечатаны г. Поповымъ, и дѣлаемъ это до приключень, которыя читатели воймутъ сами.

ной исторія Павла Васильева напечатаны г. Поповымъ въ такомъ видѣ, что въ нихъ не отыщеть смысла даже человѣкъ, близко знакомый съ расколомъ. Дѣло въ томъ, что г. Поповъ, вѣроятно, не зная, что сочиненіе Павла Васильева существуетъ въ печати, издавалъ отрывки изъ него не по печатному изданію, а по рукописи, наполненной такимъ множествомъ всевозможныхъ ошибокъ, что въ сборникъ умное произведеніе Павла Васильева является безсмыслицей, предъ которой станеть въ тупикъ самый умный читатель. Такъ напр., по печатному изданію, въ Королевскомъ декретѣ, которымъ позволялось Вуковинскимъ раскольникамъ взять изъ-за границы епископа, было сказано, что найденный „святитель долженъ будетъ о имени его объявить“,—а въ сборникъ г. Попова напечатано: „долженъ будетъ а именно его объявить“ (стр. 47). Въ печатномъ изданіи Павелъ Васильевъ приводитъ текстъ Св. Писанія: „куплю дѣйте дондеже прииду. И паки, не вжигаютъ свѣтильника и поставляютъ его подъ спудомъ“; въ сборникъ г. Попова эти слова переданы такъ: „куплю дѣйте дондеже прииду, и *помине* вжигаютъ свѣтильникъ“ (стр. 49). Въ другомъ мѣстѣ вмѣсто правильно приведенныхъ въ печатномъ изданіи словъ Св. Писанія: „идѣже предтеча за насъ вниде Христось“, въ сборникъ г. Попова стоитъ такого рода безсмыслица: „и *даже* предтеча за насъ вниде Христось“ (стр. 51). Или—въ печатной книгѣ говорится: „дабы долгимъ изъясненіемъ не могло случиться со стороны греческой церкви какихъ либо препятствій“, а г. Поповъ печатаетъ: „*со старой* греческой церкви“. Еще—слова печатнаго изданія: „Ваше Величество вземше въ разсужденіе“, г. Поповъ передаетъ такъ: „*со землѣ* въ разсужденіе“ (стр. 60). Впрочемъ мы взяли бы на себя трудъ слишкомъ тяжелый,

если бы рѣшились указать всѣ безомыслины, нація приходится въ отрывкахъ изъ церковной исторіи Павла Васильева, напечатанныхъ г. Поповымъ. Довольно, кажется, будетъ, если скажемъ, что, зная сочиненіе Павла Васильева, мы не могли понять отрывковъ изъ него, напечатанныхъ въ сборникѣ г. Попова, доколѣ не исправимъ ихъ по печатной исторіи. Что же сказать послѣ этого о лицахъ, которыя будутъ читать сборникъ г. Попова, не имѣя подъ руками печатнаго изданія Васильева? Вѣдь что ни говорите, а никакая сообразительность не поможетъ, когда вмѣсто словъ: „Фландри, полагати, Бѣлоктанъ, страхопочитаніемъ, Халки, Мекаревна, Никоидійскому, безъ измѣны (перемѣны) сана ихъ, отъ Министра, Маронія, Гогохора“ и пр. и проч., будете читать: „Филанди, полагати, Бѣлоктанъ, стихопочитаніемъ, Хаски, Мемеравлѣ, Комедійскому, безъ имени сана ихъ, отъ монастыря, Миронія, Горохина“ и проч. и проч. Наконецъ замѣтимъ еще, что въ разсматриваемыхъ нами отрывкахъ изъ исторіи Павла Васильева, по изданію ихъ г. Поповымъ, есть множество пропусковъ, состоящихъ не изъ словъ только, а изъ цѣлыхъ мыслей.

Такимъ образомъ, какъ читатели могли замѣтить, изъ восьми статей, напечатанныхъ въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства, изданномъ г. Поповымъ, семь перепечатаны изъ другихъ изданій, и только одна, самая меньшая по объему и ничтожная по содержанію, является въ сборникѣ г. Попова первый разъ. А послѣ этого намъ представляется дѣломъ совершенно лишнимъ повторять, что сборникъ изъ исторіи старообрядства г. Попова есть ничто иное, какъ спекуляція. Въ самомъ дѣлѣ, что другое можно предположить въ перепечата-

ваніи книжекъ и статей, давно извѣстныхъ всѣмъ, кому нужно знать ихъ, и притомъ — перепечатываніи часто безмысленнѣйшемъ? Скажутъ, пожалуй, что помѣщенные въ сборникѣ статьи печатались прежде въ разныхъ журналахъ, которые не всякій можетъ имѣть подъ руками, а потому изданіе ихъ въ одной отдѣльной книгѣ можетъ принести пользу тѣмъ, кто не въ состояніи выписывать ни *Русскаго Вѣстника*, ни *Зрителя*. Но во первыхъ для этого необходимо, чтобы самыя статьи, избранныя для отдѣльнаго изданія, заключали въ себѣ какія либо новыя и притомъ серьезныя свѣдѣнія о расколѣ. А развѣ можно сказать это о статьяхъ, помѣщенныхъ въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства? Все содержаніе напр. „разказа дяди Онисима“ состоитъ въ томъ, что до появленія австрійскаго священства поповцы разныхъ мѣстъ и губерній обращались съ своими духовными нуждами къ Рогожскому кладбищу, на которомъ нерѣдко заправляли всѣмъ простыя женщины, извѣстныя подъ именемъ *старуцъ*, а потомъ, когда явились въ расколѣ австрійскіе епископы, поповщина повсюду обзавелась своими попами (австрійскаго поставленія), которые теперь и исправляютъ всѣ требы у поповцевъ. Кто же не зналъ всего этого и прежде появленія въ свѣтъ сборника г. Попова? Или напр. развѣ новостію будетъ для всякаго, знакомаго съ исторіей раскола, что въ былое время съ раскольниковъ брали взятки даже лица, занимавшія высокіе посты въ служебной іерархіи, что бѣглые раскольническіе попы были нерѣдко зазорнаго поведенія, о чемъ говорится въ „разказѣ о Рогожскомъ кладбищѣ“, — или — что даже нѣкоторые изъ нынѣшнихъ епископовъ раскольническихъ — люди темнаго происхожденія и укоризненной жизни, о чемъ

трактуетъ статья подъ названіемъ: „кто такіе были епископы Рогожскаго кладбища Антоній и Пажутиѣ“? Притомъ, по нашему мнѣнію, способъ нападенія на расколъ, состоящій въ разоблаченіи *частной*, иногда соблазнительной, жизни вліятельныхъ въ расколѣ лицъ, какъ умершихъ, такъ даже и живыхъ, — способъ опасный. Это — оружіе обоюдоострое, которымъ можно нанести сильный ударъ противнику, но объ которое можно жестоко угодиться и самому нападающему. Далѣе, — если предположить, что г. Поповъ, перепечатывая въ своемъ сборникѣ статьи, помѣщавшіяся прежде въ разныхъ журналахъ, имѣлъ въ виду только ознакомить съ ними тѣхъ, кто не читалъ этихъ журналовъ, въ такомъ случаѣ добросовѣстность издателя должна была внушить ему, что въ заглавіи сборника нужно указать это обстоятельство, т. е. что въ сборникѣ помѣщено не мало статей, которыя и прежде были въ печати въ разныхъ журналахъ. Такая оговорка показала бы публикѣ, что при покупкѣ сборника нужно быть осторожнымъ, чтобы не заплатить денегъ за вещи не нужныя. Наконецъ, въ третьихъ — для чего же въ такомъ случаѣ г. Поповъ внесъ въ свой сборникъ и такія статьи, которыя прежде не только были напечатаны въ журналахъ, но и издавы отдѣльно, какъ напр. „разсказъ дяди Олксима“, — а равно такія сочиненія, которыя давно извѣстны въ печати, т. е. исторію Платона Аванадковича и отрывки изъ церковной исторіи Павла Васильева? Скажутъ: первую г. Поповъ могъ напечатать въ томъ предположеніи, что она, какъ изданная за границей, не довольно извѣстна въ Россіи, а объ исторіи Павла Васильева могъ даже не знать, что она существуетъ въ печати. Но, во первыхъ, не

много чести чловѣку; который прѣзирается за изданіе сочиненій по какому либо предмету, хорошо не ознакомившись предварительно съ тѣмъ, что сдѣлано другими на этомъ предметѣ. Во вторыхъ г. Поповъ не могъ не видѣть, по крайней мѣрѣ, того, что издаваемые имъ отрывки изъ церковной исторіи Павла Васильева полны ошибокъ и страдаютъ недостаткомъ смысла. А зная это, какую цѣль имѣлъ онъ, печатая эти отрывки? Наконецъ г. Попову лучше всякаго другаго извѣстно, что его сборникъ изъ исторіи старообрядства весь состоитъ то изъ статей, прежде бывшихъ въ печати и слѣдовательно, предполагается, болѣе или менѣе извѣстныхъ публикѣ, то изъ документовъ, въ которыхъ и самъ издатель не нашелъ смысла. А послѣ этого, какими соображеніями руководствовался издатель, назначая за свою книжку — съ такимъ содержаніемъ, состоящую изъ 162 страницъ, 1 р. 50 коп. съ пересылкой? (1) Пусть каждый, положивъ руку на сердце, скажетъ, честное ли это дѣло, или спекуляція, недостойная „честнаго гражданина земли русской“. Назначеніе цѣны изданію, скажутъ, — добровольное дѣло издателя, а публика можетъ покупать и не покупать книгу. Такъ. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ виновать покупатель, интересующійся расколомъ, пріобрѣтшій изданіе г. Попова и за 1 р. 50 к. нашедшій въ немъ, кромѣ статей, извѣстныхъ каждому, занимающемуся расколомъ, одну бессмыслицу? Видъ изъ заглавія: „сборникъ изъ исторіи старообрядства“ никакой осторожный и глубокий умъ не пойметъ, что въ этомъ сборникѣ заключается

(1) Въслѣдствіе ли начальственнаго распоряженія объ уменьшеніи пересылочной цѣны за книги, или по другимъ какимъ либо причинамъ, только на оберткѣ сборника для исторіи старообрядчества г. Поповъ назначилъ за сборникъ изъ исторіи старообрядчества 1 р. 20 к. съ пересылкой.

пустой сборъ вещей, пригодныхъ развѣ только тому, кто ничего не читалъ и не знаетъ о расколѣ. Вотъ если бы г. Поповъ далъ своей книгѣ такое названіе: „сборникъ разныхъ статей, изъ которыхъ, одна и прежде были въ печати въ разныхъ журналахъ и даже отдѣльно, а другія печатаются, по мнѣнію издателя, первый разъ, но въ такомъ видѣ, что и самъ издатель не находитъ въ нихъ смысла“, — въ такомъ случаѣ мы сочли бы грѣхомъ осуждать г. Попова за его предпріятіе. Тогда каждый, у кого есть смыслъ, видѣлъ бы, что изданіе г. Попова предназначено не для него. Это — наше послѣднее слово о сборникѣ изъ исторіи старообрядства. Теперь перейдемъ къ сборнику для исторіи старообрядчества и посмотримъ, что это за книга.

Прежде всего нужно сказать, что между сборникомъ изъ исторіи старообрядства и сборникомъ для исторіи старообрядчества есть большее сходство, которое состоитъ въ томъ, что та и другая книга — одинаково пусты по содержанию. Какъ въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства г. Поповъ не постигъ ни одного новаго свидѣнія о расколѣ, такъ и въ сборникѣ для исторіи старообрядчества нѣтъ ни одного сколько нибудь важнаго документа, который бы проливалъ особенный свѣтъ на темную прошлую жизнь раскола. Но при всемъ сходствѣ, рассматриваемые сборники имѣютъ между собою и замѣтное различіе. Оно состоитъ въ томъ, что въ сборникѣ изъ исторіи старообрядства г. Поповъ является простымъ издателемъ чужихъ книжекъ и статей, между тѣмъ какъ въ сборникѣ для исторіи старообрядчества къ имени издателя г. Попова присоединяется и имя писателя. Другими словами: не ограничиваясь простой перепечаткой разныхъ раскольническихъ ру-

кописей, г. Поповъ рѣшился въ сборникѣ для исторіи старообрядчества сказать и свое слово о расколѣ. А потому, при разборѣ означеннаго сборника, мы прежде всего обратимъ вниманіе на собственную рѣчь издателя о расколѣ, а за тѣмъ скажемъ нѣсколько словъ о документахъ, которые составляютъ главное содержаніе сборника.

Мысли и взглядъ г. Попова на расколъ заключаются въ предисловіяхъ, которыя онъ счелъ нужнымъ предпослать раскольническимъ документамъ, вошедшимъ въ составъ сборника. Такъ какъ напечатанныя въ сборникѣ рукописи касаются двухъ сектъ раскола—безноповщины и поповщины, то и предисловія „отъ издателя“ находятся въ книгѣ два. Кромѣ того въ сборникѣ есть еще „замѣтка“ (стр. 143—151), которая также составляетъ собственное произведеніе издателя. Посмотримъ же, какъ думаетъ о расколѣ — этомъ неразгаданномъ сфинксѣ г. Поповъ и чѣмъ даритъ онъ публику, собственно какъ писатель, а не издатель.

Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать отъ *современнаго* писателя, г. Поповъ бросаетъ грязью во всѣхъ, кто писалъ и пишетъ о расколѣ въ настоящее время.

„Литература наша, говоритъ онъ, съ недавняго только времени обратила вниманіе на расколъ и то, по недостатку матеріаловъ для разработки и необходимыхъ справокъ, можно сказать словами нашихъ диссидентовъ, „суждаетъ во мракѣ“ (стр. VI). Такъ какъ мы и сами грѣшимъ иногда по этой части, т. е. пописываемъ кое-что о расколѣ, то считаемъ дѣломъ щекотливымъ опровергать мнѣніе г. Попова, а предоставляемъ судить объ немъ самимъ читателямъ, напомнимъ имъ только о трудѣхъ по расколу гг. Есипова, Мельникова, Варадинова и др., изъ которыхъ видно, что эти писатели не

имѣли недостатка въ матеріалахъ для своихъ сочиненій и, кажется, не жалѣли времени на разработку ихъ! Въ настоящемъ случаѣ насъ занимаетъ другая сторона дѣла, именно: если, по мнѣнію г. Попова, литература наша по вопросу о расколѣ блуждаетъ во мракѣ и г. Поповъ рѣшился своими изданіями по возможности разсвѣять этотъ мракъ, то что же новаго, свѣтлаго мы можемъ найти напр. въ его сборникѣ для исторіи старообрядчества? Говоря откровенно, въ собственныхъ сужденіяхъ г. Попова о расколѣ, высказанныхъ имъ въ предисловіяхъ, не только нѣтъ особенной свѣтлости взгляда, но и нѣтъ даже въ мысляхъ логической связи, нѣтъ знанія такихъ вещей, которыя давно извѣстны всѣмъ, болѣе или менѣе занимающимся расколомъ. Въ подтвержденіе нашихъ словъ мы приведемъ буквально разсужденія г. Попова о томъ, отъ чего и какъ у насъ произошелъ расколъ. „Въ исторіи каждаго народа, говоритъ онъ, мы встрѣчаемъ попеременно и грустные и отрадныя періоды. Всякое движеніе къ прогрессу, всякое преобразованіе прежняго государственнаго строя, неминуемо вызываетъ протестъ, оппозицію, консервативныя стремленія. Сила существовавшаго порядка не можетъ уступать безъ реакціи, какъ не уступаютъ безъ сопротивленія силы природы, уклоненныя отъ ихъ первоначальнаго направленія: это законъ природы, законъ каждаго общества. Народныя массы легко привыкаютъ къ подчиненности тѣмъ, которые несутся объ ихъ благосостояніи, безъ труда отрываются отъ заботъ о себѣ, охотно отдаютъ свои силы въ распоряженіе избранныхъ или поставленныхъ судьбою предводителей, благодарны тому, кто за нихъ подумаетъ, кто уважаетъ имъ что дѣлать. Въ этомъ, часто безсознательно, побужденіи толпы къ отреченію отъ самостоятельности, отъ само-

дѣятельности, кроется, быть можетъ, заветная связь людей между собою, таинственная спайка общества. Еще съ половины XVI столѣтія начались государственныя преобразованія въ Россіи; старый строй распадался; духъ времени, духъ запада или, по выраженію старовѣровъ, духъ латинства сталъ вѣять на русскую землю въ пробитыя скважины. Народу казалось ненавистнымъ каждое нововведеніе уже потому, что оно приходило съ запада, отъ „латинщины“. Каждое новое преобразование возбуждало новыя опасенія, новое недоверіе, вслѣдствіе чего, народъ старался разгадать духъ правительства или найти, для испуганнаго воображенія, точку опоры, на которой могли бы спокойно опочить — встревоженная мысль и религіозныя народныя убѣжденія. Прежде, чѣмъ рѣшиться поставить въ вину или въ укоръ народу его одностороннія понятія, мы должны обратить вниманіе на его жизнь, — на окружавшую его среду и наконецъ — на его учителей. Кто были первые учителя народа и первые наставники его въ наукѣ жизни? Разумѣется, его близкіе по крови — отецъ, мать, родственники, а также свои по языку, по родинѣ, по обычаямъ. Но кто были его учителя по грамотности, признанные народомъ „за мастеровъ своего дѣла“? Этими мастерами были: пономари, дьячки, трапезники, дворская челядь. Эти люди, не могли учить своихъ воспитанниковъ тому, чего сами не знали, ограничивались обученіемъ ихъ грамотѣ по часослову и псалтери, не входя въ толкованіе текста и строго придерживаясь буквѣ въ объясненіи себѣ и другимъ значенія словъ священнаго писанія. Въ слѣдствіе разнорѣчивыхъ толковъ невѣжественныхъ учителей, народъ имѣлъ самыя смутныя понятія о религіи, основывая свои убѣжденія на различныхъ, рѣдко понятыхъ, но твердо заученныхъ

текстах Священнаго писанія, и придерживаясь буквальному значенію слова, не будучи въ состояніи уразумѣть его существенный смыслъ (1). Разумѣется, что пониманіе (а откуда же оно взялось?) Священныхъ текстовъ разнилось сообразно степени развитія умственныхъ способностей его тогдашнихъ толковниковъ, что и породило различныя религіозныя вѣрованія. Одушевленные теплымъ испуленнымъ чувствомъ вѣры, эти толкователи текстовъ упорно отстаивали свои убѣжденія, признавая заблужденіемъ тѣ понятія, которые не согласовались съ ихъ понятіями. Каждый изъ этихъ людей старался приобрѣтать послѣдователей своего ученія, собиралъ вокругъ себя своихъ единомышленниковъ, и такъ образовались религіозныя партіи, отпавшія отъ православной Церкви, породились ереси, извѣстныя въ послѣдствіи подъ названіемъ различныхъ толковъ раскола⁴ (стр. I—IV). Прочитавъ эти разглагольствія г. Попова о происхожденіи раскола, читатели, надѣвша, не потребуютъ отъ насъ новыхъ доказательствъ того, что въ собственныхъ сужденіяхъ издателя сборника не только нѣтъ ясности взгляда на предметъ, за темное пониманіе котораго онъ такъ бичуетъ другихъ, но нѣтъ даже надлежащей связи и послѣдовательности въ мысляхъ, а видно только, что г. Попову извѣстны новомодныя слова: прогрессъ, протестъ, реакція и под.

(1) Кто, однако изъ грамотѣвъ становился и оставался не въ рабствѣ понятію имъ чина Церковнаго Богослуженія, по книгамъ *новопреводнымъ*, тотъ не могъ оставаться безъ удовлетворительнаго разумннн догматовъ вѣры, — тотъ находилъ готовое и твердое изъясненіе текстовъ Священнаго писанія въ пасионаціяхъ церковныхъ и вообще въ службахъ. Вообще: въ Богослужебныхъ церковныхъ книгахъ у насъ въ православной Восточной Церкви живая въ лицахъ догматика и нравственная педагогика. Это приращеніе не наде, а г. Поповъ, думающаго, будто въ богослужебныхъ книгахъ *старопреводныхъ* нѣтъ ни живой въ лицахъ догматика, ни нравственной педагогика.

А потому не входя въ дальнѣйшія разсужденія объ этомъ предметѣ, мы представимъ теперь нѣсколько примѣровъ, которые покажутъ, что г. Поповъ, утверждая будто вся литература блуждаетъ во мракѣ относительно раскола, самъ не знаетъ такихъ вещей, которыя давно извѣстны каждому, кто хотя не много знакомъ съ „блуждающею во мракѣ“ литературою по предмету раскола. Такъ напримѣръ извѣстный въ исторіи раскола попъ Михаилъ Калмыкъ, по общему признанію, былъ настоятелемъ раскольниковскаго Покровскаго монастыря въ *Стародубль*, а г. Поповъ утверждаетъ, что означенный Калмыкъ настоятельствоваъ въ Покровскомъ монастырѣ на *Вльцкѣ* (стр. 183, 184, 186, 195 и др.), хотя помѣщенные имъ документы говорятъ противное (стр. 203—209, 248 и др.). Ни для кого также не секретъ, что попъ Михаилъ Калмыкъ болѣе всѣхъ противодействовалъ извѣстному иноку Никодиму, когда послѣдній сталъ искать сближенія съ Церковію православною, результатомъ котораго явилось единовѣріе; а по увѣренію г. Попова, Калмыкъ сочувствовалъ Никодиму въ его святомъ дѣлѣ и самъ открыто шелъ къ сближенію съ господствующею Церковію (стр. 184—5). Или: во всѣхъ исторіяхъ раскола Стародубскія слободы подаются въ *Черниговской* губерніи, а г. Поповъ почему-то считаетъ ихъ „принадлежащими нынѣ къ *Кіевской* губерніи“ (стр. 191). Нужно ли послѣ этого доказывать, что и г. Поповъ, подобно прочимъ смертнымъ, блуждаетъ во мракѣ относительно раскола?

Произнесши не лестный отзывъ о современной литературѣ по расколу, г. Поповъ не оставилъ въ покоѣ и своихъ будущихъ читателей, говоря: „вѣроятно, большинство нашихъ будущихъ читателей мало знакомо съ

исторією раскола* (стр. VII). Не знаемъ, для кого собственно назначалъ г. Поповъ свой сборникъ для исторіи старообрядчества, но знаемъ, что въ числѣ своихъ будущихъ читателей г. Поповъ считалъ, и даже особенно, священниковъ (какъ объ этомъ гласило особое объявленіе). Что же послѣ этого значить отрывъ г. Попова о своихъ читателяхъ? Основанное ли на близкомъ знакомствѣ съ пастырями православной Церкви убѣжденіе въ ихъ незнаніи исторіи раскола, или—грубая фраза, сказанная на обумъ? Судя по тому, что всѣ, выходящія въ свѣтъ сочиненія о расколѣ, приобретаются главнымъ образомъ нашими священниками, мы скорѣе склонны признать справедливымъ послѣднее предположеніе. Впрочемъ не въ этомъ—суть дѣла. Предположимъ, что читатели сборника для исторіи старообрядчества мало знакомы съ исторіей раскола, г. Поповъ на этомъ основаніи счелъ нужнымъ „при помѣщеніи какихъ либо матеріаловъ или документовъ представлять краткій историческій очеркъ того согласія или секты, къ которой означенные документы относятся“. И такъ какъ помѣщенные въ сборникъ матеріалы—одни (въ первомъ отдѣлѣ) относятся къ Федосѣевской сектѣ или къ согласію Преображенскаго кладбища, а другіе (во второмъ отдѣлѣ) къ Раскольниковъ Рогоженскаго кладбища, то г. Поповъ въ предисловіяхъ къ тѣмъ и другимъ матеріаламъ излагаетъ историческія свѣдѣнія о Федосѣевской сектѣ и о Рогожскомъ кладбищѣ. Намѣреніе безусловно хорошее; а судя по тому, что, по мнѣнію г. Попова, наша литература по недостатку матеріаловъ блуждаетъ во мракѣ относительно раскола, что, съ другой стороны, „случай и старанія доставили г. Попову неисчерпаемый источникъ этихъ матеріаловъ“ (стр. VI), какъ заявляетъ онъ объ этомъ, можно думать, что хорошее намѣреніе г.

Попова приведено и въ короткое изложение, т. е. что представленные г. Поповым историческіе очерки Феофанской секты и раскольничья Родоносаго кладбища — интересны и полны цѣлыхъ свидѣній. Но, какъ оказывается, издатель сборника — мастеръ только на слова, а на дѣло вломъ. Не смотря на то, что г. Поповъ признавалъ литературу нашу блуждающею во мракъ, онъ самъ — при составленіи своихъ очерковъ — придерживался (бульварными словами г. Попова, стр. VII, примѣч.), какъ болѣе извѣстныхъ историкамъ раскола: Андрею Юанкову и Макарію, — и придерживался иногда такъ крѣпко, что буквально перепечатывалъ въ своихъ очеркахъ цѣлыя страницы исторіи пр. Макарія. Мало этого: какъ читатели увидѣли, г. Поповъ не умѣлъ хорошо воспользоваться указанными имъ источниками, внося въ свои свидѣнія ошибки, которыя у Юанкова и у пр. Макарія изложены правильно. Какое изъ всего этого есть заключеніе объ авторской дѣятельности г. Попова, объ этомъ представляемъ судить самимъ читателямъ, а мы съ своей стороны замѣтимъ еще, что не безъ причины г. Поповъ при составленіи очерковъ докопался до того, что онъ сообщалъ въ нихъ такіе свидѣнія, которыя дальнѣйшими, напечатанными имъ документами совершенно опровергаются. Такъ г. Поповъ гово- рить въ предисловіи, что „дьяконовы разсуждали съ подставующею церковію относительно исторіи, и обрядовъ, но, не считая обрядовъ дѣломъ большой важности, признавали никоніанскую церковь православною“ (стр. 183), а на стр. 238—40 печатаетъ документъ, въ которомъ нѣкто Николай, принадлежавшій къ сектѣ діаконцевъ, такъ разлагольствуетъ: „еретичи Никоніане, за ересь ихъ священными правилами извер-

жени, а наши помы отъ нихъ и сами поставлены были еретика“. Или: „Монахъ Никодимъ, говоритъ г. Поповъ въ предисловіи (стр. 183), принадлежалъ къ согласію дьяконовщины“, т. е. признававшему никоніанскую церковь православною; а на стр. 235—7 напечатанъ документъ, наъ заглавія котораго: „двадцать два вины, показанныя инокѣмъ Никодимѣмъ за Вѣтковскою церковію, въ которой имиѣ и самъ обрѣтается, а когда онъ писалъ, тогда онъ былъ согласія дьяконова“, видно, будто Никодимъ изъ дьяконовскаго согласія когда-то перешелъ въ Вѣтковское, хотя этого никогда не было, а было совершенно противное; притомъ, по этому документу, Никодимъ будто бы упрекалъ Вѣтковцевъ между прочимъ за то, что они „со еретиками (т. е. никоніанами) обществуящими въ штии и яденіи и молитвословіихъ, священныхъ не отлучаютъ, крещенію еретическому (т. е. православному) не ругаются и же хулятъ“. Еще: говоря объ установленіи въ 1777 году на Ровенскомъ кладбищѣ обряда перемазыванія, г. Поповъ замѣчаетъ: „выдвинулось еще *новое несмысленное* въ расколѣ ученіе, обрядъ перемазыванія“ (стр. 193). Но прочитайте помѣщенные на стр. 203—253 письма, писанныя раскольниками разныхъ мѣстъ къ папу Михаилу Калмыку, не сомнѣвавшемуся на принятіе обряда перемазыванія, и вы увидите, что во всѣхъ ихъ ученіе Калмыка прямо называется *новомъ и несмысленномъ* вѣщію; а перемазываніе признается древнимъ и всегдашнимъ обычаемъ. И таинствъ обычаемъ признается обрядъ перемазыванія не только раскольниками корженскими, иргизскими и др., но и стародубскими, надъ которыми владычествовалъ Калмыкъ. Вотъ что писали въ Москву обызватели стародубскихъ сло-

бедъ Кликиной и Митыковской: „зѣлннаго пекровскаго слободскаго монашья іеромонахъ Михаилъ и чернецъ Никодимъ отремнули свой сокровенный (засвѣданный; душепагубный) ядъ и представили намъ сложеныи и снцетанныи сими собою выписки, дабы приходщихъ отъ ересей въ православную вѣру принимать безъ муропомазанія съ однимъ только крещеніемъ, какъ священниковъ, такъ и простолюдиновъ. Но мы онымъ нхъ новомышлененнымъ, душепагубнымъ, засвѣданнымъ вещамъ ни мало склоннымъ быть къ тому не хоцемъ, а желаемъ остаться при прежнихъ узаконеніяхъ, какъ на Рѣтѣ, такъ и въ нашихъ, по сіе время наблюдаемыхъ и хранительныхъ христіанскихъ законныхъ, принятыхъ отъ прежнихъ нашихъ священниковъ, обхожденій и обрядностей; ибо они принимали съ муропомазаніемъ, какъ священниковъ, такъ и простолюдиновъ, и священство отъ нихъ было не отбѣмлемо“ (стр. 204). А московскіе раскольники вотъ что писали въ 1782 году въ Петербургъ своимъ единомышленникамъ, защищая предъ ними свой обрядъ перемазыванія: „сіе сомнѣніе (въ законности перемазыванія) вниде не болѣе шестидесятъ лѣтъ отъ раздоротворцовъ—дьяконовцовъ и этому раздоротворству многіе достовѣрные свидѣтели есть и понынѣ еще въ живыхъ обрѣтаются... да и сами вы, я чую, приняты подъ муропомазаніе; то что вамъ святое муропомазаніе такъ вдругъ постыло, яжебы самая нѣкая неотребная вещь“ (стр. 312). А послѣ всего этого каждый читатель въ правѣ спросить, читалъ ли самъ г. Поповъ документы, которые напечаталъ въ своемъ сборникѣ? По нашему мнѣнію, основанному на всемъ, что мы сейчасъ сказали, — не читалъ. Какъ же, спросять послѣ этого, „нужно“ смотрѣть

на предисловія, поминутными г. Поповымъ предъ изданными имъ документами? Очень просто. Г. Попову издумалось, во-первыхъ, научить невѣдомыхъ своихъ читателей, мало знающихъ о исторіи русскаго, и вотъ онъ не ограничивается простымъ изданіемъ раскольническихъ рукописей, а пишетъ отъ себя историческіе очерки оныхъ, о которыхъ говорится въ документахъ. Но такъ какъ „большинство читателей“, по мнѣнію г. Попова, — невѣды въ дѣлѣ раскола, то „лучшій гражданинъ земли руссой“, не считая нужнымъ особенно перемолвиться съ ними и потому пишетъ въ своихъ очеркахъ не только свѣдѣнія историч., но даже такіе, которыя документами совершенно опровергаются, — въ роднѣ, въ той мысли, что невѣды не замѣтятъ промаховъ, а если и замѣтятъ, — не бѣда: русскій человекъ выспосинъ. Далѣе — такъ какъ главный цѣль г. Попова при изданіи имъ сборниковъ состоитъ, какъ это видно изъ всего вышесказаннаго и будетъ видѣно изъ ниже сказаннаго, не въ томъ, чтобы прослужить науцѣ и приносить пользу обществу, а въ томъ, чтобы за свои труды, котаривъ честному человеку стыдно назвать и трудами, получить общественную пользу, — то предисловія являются у г. Попова средствомъ, для помощи готовности источникамъ (кн. Леанова, преем. Макарик), напечатать (въ книгѣ) нѣсколько лишней страницъ и тѣмъ дать ей такой объемъ (1), при которомъ можно было бы значить не столько цѣну (2). Наконецъ, и это главное —

(1) Заботливость г. Попова увеличивать объемъ своихъ изданій видна, между прочимъ, и изъ того, что онъ, не довольствуясь напечатаніемъ какого-либо документа, внеслъ еще изъ него безъ всякой нужды огромныя выдержки въ самыя предисловія, такъ что одно и то же часто приходится читать два раза (стр. XXVIII—XXXIV).

(2) Цѣна сборнику для исторіи старообрядчества 2 р. 50 коп.

на предисловіи г. Попова сматрѣть, какъ на поле, на которомъ онъ могъ выжить свои особенныя замѣчки. Во-первыхъ, подобно людямъ, кулящимъ чужой товаръ, и г. Поповъ, какъ читатели уже видѣли, всю нашу литературу по предмету раскола втиснула въ грязь, сказавъ, что она „блуждаетъ во краяхъ“. Во-вторыхъ, подобно людямъ торговымъ, хвалящимъ *собой* товаръ, и г. Поповъ не скупится на похвалы сборнику для исторіи старообрядчества. Матеріалы, помѣщенные въ немъ, онъ называетъ кладомъ (стр. VI), который можетъ привести много полезнаго новаго, напечатанные въ сборникѣ документы, по словамъ г. Попова, могутъ служить хорошимъ безпристрастнымъ повѣствованіемъ о нашей старообрядчинѣ (стр. 186), но собранныя документы, говоритъ г. Поповъ въ другомъ мѣстѣ, можно составить *большое* понятіе о дѣятельности людей замученнаго столѣтія, замучившихся въ свой отдѣльный уголокъ темнаго царства (стр. 196—7). Читая эти похвалы, думающа, что документы, помѣщенные въ сборникѣ, — действительно кладъ, а на дѣлѣ оказывается, что этотъ кладъ не можетъ составить *большаго* понятія о расколѣ и самому г. Попову. Наконецъ, какъ извѣстно, люди торговые, похваляя свой товаръ — часто плохой съ дѣломъ сбыть его съ рукъ, рассчитываютъ въ этомъ случаѣ главнымъ образомъ на невѣжество покупателей. И г. Поповъ, какъ тоже мы видѣли, не лучше прантуетъ читателю его сборника и въ полной увѣренности въ ихъ невѣжество дарить ихъ такими очерками, которые не лучше гнилаго товара. Но довольно объ авторской дѣятельности г. Попова, заявленной имъ въ предисловіяхъ къ матеріаламъ, напечатаннымъ въ сборникѣ для исторіи старообрядчества. Ска-

немъ теперь известно словъ о саяху документахъ, которые вошли въ составъ разсматриваемаго сборника.

Суди не тому, что г. Попову слухомъ и стараніемъ доставили, какъ онъ извѣщаетъ объ этомъ своихъ читателей, неисчерпаемый источникъ матеріаловъ для исторіи раскола, можно было ожидать, что помѣщенные въ сборникъ документа будутъ и новы; и интересны по содержанию. Но когда мы прочитали весь сборникъ, оказалось, что для исторіи раскола немного можно извлечь пользы изъ него. Въ числѣ напечатанныхъ г. Поповымъ документовъ одни давно уже извѣстны всемъ и каждому, другіе — совершенно ничтожны по своему содержанию, третьи — по своей бесцельности не могутъ дать никакого новаго понятія о предметѣ, о которомъ трактуютъ, — четвертые — таковы, что могутъ быть названы только не изъ чего не нужнымъ балластомъ въ книгѣ, и только очень немногіе въ рукахъ людей опытныхъ могутъ принести нѣкоторую пользу наукѣ. Къ числу документовъ перваго рода принадлежитъ напечатанный въ Сборникѣ „Уставъ польскій или „чинъ“ какъ принимаютъ въ Фодосіанское согласие“. Этотъ уставъ извѣстенъ давно, мало-мальски знакомыи съ расколомъ, потому, что онъ былъ напечатанъ еще въ прошломъ столѣтіи и затѣмъ нѣсколько разъ переиздавался въ настоящее столѣтіе въ извѣстномъ всѣмъ сочиненіи протоіерея Іоаннова: „полное историческое извѣстіе о древнихъ строгельникахъ и новыхъ раскольникахъ“. Что побудило г. Попова, знавшаго, какъ видно (стр. 10, примѣч. 8-е), объ этомъ обстоятельстве, внести въ свой сборникъ „Польскій Уставъ“, трудно сказать, особенно если повѣрить, что у него подъ рукою находится неисчерпаемый источникъ матеріаловъ.

Документами, ничтожными по своему содержанию, как признаем „акты, выписанные из дѣлъ Правительствующаго Сената, касающіеся основанія въ Москвѣ Преображенскаго кладбища въ 1771 году“, которые по своей отрывочности не прибавляют ничего къ тому, что уже извѣстно всѣмъ объ этомъ кладбищѣ изъ недавно напечатанной его исторіи, — „о антихристѣ“ сказаніе безпоповцевъ Преображенскаго кладбища, — и затѣмъ почти всѣ документы, помѣщенные во второмъ отдѣлѣ сборника и занимающіе 117 страницъ. Все, что въ составѣ извлечъ изъ этихъ послѣднихъ документовъ искусная рука, можетъ удобно уместиться въ нѣсколькихъ строкахъ и притомъ давно извѣстно историкамъ раскола. Еще прот. Іоанновъ писалъ, что на раскольническомъ Московскомъ соборѣ, бывшемъ по поводу возникшихъ въ поповщинѣ разногласій касательно помазанія переходящихъ въ расколъ отъ православной Церкви, „чтецы были письма изъ Керженца. Дунилова и изъ Городца съ моленіемъ къ отцу Михаилу (Калмыгу), да послѣдуетъ прежде бывшему отеческому обыкновению, еже бы приходящихъ отъ великороссійской церкви муромъ помазывать, а Никодима старца не слушать, но яко противника церковнаго отлучить“, и что „потомъ чтебо было писаніе, присланное изъ слободъ Климовой и Митьевки къ московскому обществу, въ коемъ прошено, яко іеромонахъ Митгаиль и чернецъ Никодимъ отрыгнули злодыхательный и злобредный вретическій свой ядъ, еже бы муромъ не помазывать приходящихъ отъ великороссійской церкви“ и проч. (ч. III, стр. 321). Вотъ эти-то письма изъ разныхъ мѣстъ въ Москву, а равно и изъ Москвы въ другіе города, — письма, всѣ писанныя на одишь

ладъ и не заключающія въ себѣ ничего, 'кромя того, что сказано Іоанновымъ, и составляютъ почти все содержаніе втораго отдѣла сборника. Понятно, на сколько полезно ихъ изданіе. А между тѣмъ, повторимъ, эти письма занимаютъ почти половину книги. Къ числу безсмысленныхъ документовъ, не могущихъ дать никакого опредѣленнаго понятія о предметѣ, о которомъ говорится въ нихъ, справедливо можно отнести „о отступникахъ или новоженцахъ“ и особенно статью съ такимъ заглавіемъ: „ассенція или изъясненіе. Сіе разсмотрѣніе на Никодимово мнѣніе и представленіе, и предложеніе сдѣлано суть: Фейна предъидущая. Разсужденіе паче всѣхъ добродѣтелей.“ Уже по этому заглавію можно судить, что за галиматы содержится въ самой „ассенціи“. Какъ на балласть въ книгѣ, можно указать на помѣщенную въ первомъ отдѣлѣ сборника „стихеру надгробную (раскольническую) гласъ 6-й, переложенную на крюковыя ноты“. Мы рѣшительно недоумѣваемъ, зачѣмъ эта „стихера“ въ сборникѣ и какъ она относится къ *безпоповцамъ преображенскаго* кладбища. За исключеніемъ указанныхъ документовъ, остальные (впрочемъ ихъ остается немного въ книгѣ) могутъ имѣть нѣкоторое значеніе и то не столько для исторіи старообрядчества, сколько для полемики противъ него. Таковы особенно статьи, въ которыхъ излагается ученіе Теодосіанское о бракѣ. Впрочемъ, по недостатку библіографическихъ и критическихъ замѣтокъ о всѣхъ вообще напечатанныхъ въ сборникѣ раскольническихъ памятникахъ, и эти статьи теряютъ часть своей цѣны и могутъ неопытнаго читателя ввести даже въ ошибки.

Что же сказать въ заключеніе о разсмотрѣнныхъ нами сборникахъ г. Попова? Намъ думается, что издатель

взялся не за свое дѣло. Свѣдѣній у г. Попова о расколѣ, какъ видно, такъ мало, небрежность ⁽¹⁾ къ предпріятію такъ велика, а между тѣмъ вниманіе къ предмету, за который взялся онъ, еще такъ недавно, что изданія г. Попова, не принося существенной пользы наукѣ, могутъ послужить только во вредъ обществу — въ томъ отношеніи, что отнимутъ у него охоту заниматься расколомъ. И если жалобы г. Попова на то, что „кликъ братскаго пріивѣта съ нашей стороны, гласъ дружескаго внушенія не долетаетъ до раскола“, что „онъ покинуть, предоставленъ произволу собственной, неразвитой мысли, призоли неарѣльных умствованій и что еще хуже соблазнительному примѣру и некоторыхъ своихъ братьевъ, погрязшихъ въ невѣжествѣ и заморенныхъ въ заблужденіи“, — если эти жалобы искренни, въ такомъ случаѣ мы совѣтуемъ ему или заняться серьезной подготовкой къ издательству, или, если почему либо это неудобно для него, совершенно оставить занятія, которыя ему не по силамъ. Въ настоящее время „честному гражданину земли русской“ можно заниматься и другими честными трудами.

И. Шильскій.

(1) Какъ на образчикъ крайней небрежности г. Попова, мы бы хотѣли указать на то, что у него не достало даже охоты разбить напечатанные имъ документы въ хронологическомъ порядкѣ (см. нѣсколько на стр. 246—247).